

Харбин: культурный код города в контексте судеб русской эмиграции

Осипова Нина Осиповна¹, Голенок Марина Петровна²

¹доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²кандидат культурологии, доцент, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен Харбина в системе городских культурных кодов, сформировавшихся в том числе под влиянием русской эмиграции 1920-х гг.: историко-генетического, природного, социокультурного, художественного, праздничного, кодов повседневности и др. Прослеживается становление культурной мифологии города, в частности связь с «петербургским текстом», системой национальных символаобразующих факторов. Представлены особенности функционирования городской жизни, идеологическая, религиозная и культурная толерантность. Отмечается уникальная особенность Харбина, заключающаяся в том, что при пестром многонациональном и социальном разнообразии в Харбине формировался своеобразный «плавильный котел» поликультурности во всех сферах городской жизни. Одновременное присутствие и функционирование на относительно небольшом временном промежутке разных систем – государственных, финансовых, политических, религиозных, языковых, национально-этнических – создавало впечатление некоего успешного социального эксперимента и делало Харбин местом культурного трансфера.

Ключевые слова: русская эмиграция, культурный код города, «харбинский текст».

Харбин – это особый город, не случайно получивший название «столицы русской эмиграции», феномену которой посвящены горы литературы, часто объединенной междисциплинарным подходом [6; 7] и охватывающей систему уровней харбинской культуры – от архитектурно-градостроительных идей до общественно-политической и повседневной жизни. В то же время Харбин был больше чем столица – своего рода «государством в государстве» со своей промышленностью, управлением, финансовой системой, охраной границ, системой коммуникаций... Конечно, харбинская эмиграция разделяла общую судьбу изгнанников и повторяла судьбу города, в течение полувека переходившего от одной власти к другой, но при этом сохранила довольно высокий градус «русскости»/«российскости». Несмотря на всю горечь эмиграции «на скучных сунгарийских берегах» (Е. Яшнов) и непростую адаптацию к Желтороссии (так русское правительство до революции называло эту часть Маньчжурии), ее представители ехали не в чужую страну, не «под чуждый небосвод», они до определенного времени не страдали в попытках (часто бесперспективных, как у их соотечественников в Европе) встроиться в культурное пространство, реализовать свой личностный потенциал, они воспринимали Харбин островком России, так напомиавшим их малую родину. Отец Нестор (Н. Анисимов), состоявший в то время архиепископом, а затем и митрополитом Харбинским и Манчжурским, писал в своих воспоминаниях: «Только там – на дальнем востоке Азии, у самого рубежа родных просторов Сибири, оказалась страна, где русские могли и могут жить доселе не в чуждых, незнакомых условиях, а в родном, с детства привычном и милом быте. Страна эта – Маньчжурия с центром в Харбине [16, с. 217].

Вот почему так важно выявить ту систему кодов, организующих культурный рельеф города, его урбосферу, семиотические смыслы, городскую идентичность, которые связаны с его историей. Все эти параметры не были раз и навсегда установленными – они представляли постоянно пульсирующее пространство, изменяющееся под влиянием событий, социокодов, коммуникативных практик.

Харбин сформировал свою уникальную символическую сферу, собственные смысловые доминанты и собственную идентичность. За 50 лет (со дня основания в 1898-м до 1950-х гг.) Харбин был поочередно русским, русско-китайским, китайским, японским, советским... и вновь китайским. Конечно, это влияло на его жизнь, облик, социокультурную составляющую далеко не лучшим образом, но до массового исхода русских после Второй мировой войны

он сохранял неповторимую атмосферу «русскости» (в широком смысле) в силу устойчивости культурных кодов, формировавшихся в истоках его развития как своеобразного «города-государства», аналогов которому не было со времен княжеской Руси. И как любой город-государство, он развивался по своим законам, семиотически закреплявшимся в архитектуре, мифологии, повседневной, культурной, политической жизни, языке, художественном творчестве.

Они определяли ключевые доминанты города, становясь текстообразующими, формирующими «харбинский текст» не только истории русской эмиграции, но и ее культуры. В этом смысле к изучению «харбинского текста» применима методология Ю. Лотмана, В. Топорова, Г. Кнабе и других исследователей городского текста, но она дополняется новыми атрибутивными характеристиками, которые эту методологию расширяют.

Основу семиозиса городского текста составляет символизация – символ связывает разные уровни города, выполняя медиаторную функцию и определяя такое свойство культурного кода, как система архетипов, образов и аксиологических характеристик, составляющих матрицу духовной и повседневной жизни. В этой матрице заложены ритуалы горожан, механизм их коллективной памяти и многое другое, влияющее на сознание разных социальных групп через множество контекстов – лингвокультурных, климатических, культурно-исторических.

Как и в отношении к любому городу-тексту, обозначенные коды применительно к Харбину отчетливо проявляют свою символическую природу, в основе которой лежит миф. В знаковой системе харбинского текста мифосимволическая составляющая определяется сразу несколькими основными кодами, формирующими «полилингвистичность» этого «странного» города: историко-генетическим, природным, пространственным, социокультурным, художественным, повседневным...

В детских воспоминаниях харбинцев город предстает райским уголком, «городом-сказкой», население которого составляли уроженцы разных регионов России, видевшие в Харбине уголки Иркутска, Ростова, Одессы, Москвы и даже Парижа – не случайно его называли «Восточным Петербургом», «Восточным Парижем», «Восточной Москвой», «Восточным Сионом» и даже «Восточным Клондайком». Этому способствовало разнообразие географических условий города, представлявших климатический симбиоз одновременно петербургского, сибирского, южного степного климата. Климатический код Харбина определяется его северным положением на карте Китая, объяснявшим любопытное смешение разных природных зон: кедр и сосны соседствовали с тропическими лианами, экзотическими цветами и среднерусскими березами. Находясь на одной параллели с Краснодаром, Харбин под влиянием сибирских воздушных потоков дарил долгую, снежную, хотя и очень ветреную зиму: «Снег блестит яркими красками под улыбкой солнца и кажется каким-то таинственным сказочным одеянием под белым светом луны. Ах, как красив в первом свежем, чистом, снежном уборе Харбин. Еще ближе становится он тогда русскому сердцу <...> Темною, черною ночью, когда снег хрустит под ногами и белый покров на деревянных низеньких домах Модягоу сверкает огоньками в ответ на огоньки звезд, кажется русскому человеку Харбина, что он снова в России, в одном из бесчисленных русских уездных городов» [16, с. 232–233].

Вообще, в восприятии русского эмигрантского сознания метафорический ряд, связанный с зимним кодом, приобретает особую функциональность, отражая национальную ментальность, связанную с осознанием России как северной страны, а Петербурга – как ее сакрального центра. В европейском пространстве русской эмиграции символика зимы была связана с потерянной родиной, покинутым «зимним раем», «вакхической русской пургой», веселыми зимними забавами – всем тем, что осталось в прошлом. Знаковым произведением в этом плане воспринимается название мемуаров Г. Иванова «Петербургские зимы», «Зимних сонетов» Вяч. Иванова, многочисленные описания русской зимы в эмигрантской прозе. Однако харбинская эмиграция, в отличие от западноевропейской, не знала тоски по русской зиме – зимние пейзажи, зимние игры и забавы тоже были в Харбине частью родины, что находит подтверждение в описаниях рождественских, крещенских и масленичных гуляний, купания в проруби на Сунгари, катания на коньках, лыжах, санях: «К декабрю заливали водой каток, и мы с нетерпением ждали его открытия... Каток был большой и благоустроенный с беговыми дорожками для конькобежцев, хоккейным полем и общим полем для обычного катания... Вечером каток ярко освещался, и играла музыка...» [21, с. 193–194]

В своем генезисе Харбин абсолютно уникален: «странный, не похожий на другие города мира» русский город «вырос» не просто на периферии империи (такие города получили

название «эксцентричных»), но даже на территории другого государства, отчетливо обнаруживая при этом систему кодов «петербургского» текста. Подобно Петербургу, он стал реализацией утопии рационального проекта, созданной на пустом месте, в борьбе культуры и природы, хаоса и космоса, искусственного и естественного. Вот как эту преемственность передал поэт А. Несмелов:

Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?

А. Несмелов. Стихи о Харбине [19, с. 328]

Обращают на себя внимание и похожие условия строительства города, на месте которого, по воспоминаниям первых строителей дороги, было заросшее топкое болото, «глинистый обрыв, желтая поверхность реки с квадратными парусами шаланд, да жирные от ливней дороги в полях гаоляна, по которым скрипели арбы на высоких колесах» [8]. И это «отсутствие истории», как отмечал Ю. М. Лотман по поводу Петербурга, стимулировало бурный рост мифологии: «Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной» [11, с. 14], наполненной в том числе эсхатологической символикой и предсказаниями гибели. Не случайно харбинское наводнение 1932 г. вызвало в культурном сознании харбинцев ассоциацию с Петербургом: «И вот в наступившее лето город постигло наводнение (1932). Весь город был затоплен водой, так что на некоторых улицах вода достигла сажени глубины. Было снесено более тысячи домов, погибли огромные запасы хлеба, утонуло несколько тысяч китайцев» [16, с. 234].

Подобно Петербургу, Харбин был соткан из противоречий и контрастов, что отражается в его характеристиках: «Харбин – дэнди. Он любит хорошо одеваться, вкусно есть, ухаживать за красивыми дамами, ездить на отличных автомобилях. ☐...☐ Харбин любит все настоящее, хорошее, добротное, неподдельное. Город – щеголь, город – дэнди, город шика и блеска. Мужские лакированные ботинки, английское пальто, лакированная трость с золотым набалдашником, дорогой смокинг, модные дамские шляпки, манильские сигары. ☐...☐ Фокстрот, коктейль, джесс и т. п.» [17, с. 3]. Но одновременно за этим тянулся отчетливый шлейф русской купеческой культуры, торговых традиций, многочисленных лавочек и торговых рядов, трактиров и буфетов, что придавало городу заметные московские штрихи.

Напрашиваются интертекстуальные переключки с «Петербургскими записками 1836 года» Н. В. Гоголя, с его изящно-ироническим и точным противопоставлением Москвы и Петербурга: «А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесанная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург! Перед ним со всех сторон зеркала: там Нева, там Финский залив. Ему есть куда поглядеться. Как только заметит он на себе перышко или пушок, ту ж минуту его щелчком. Москва – старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете» [5, с. 177–178].

Примечательно, что Харбин не знал этой разницы – при общем доминировании петербургской мифологии в харбинский текст проникала культурная семантика Москвы – прежде всего с её принципом застройки, ярко выраженной православной доминантой и знаками купеческой культуры. Именно здесь, в Харбине, встретились Петербург и Москва, именно здесь окончен был извечный спор двух столиц и нашла успокоение двойственность русской души и ее всемирная отзывчивость. Когда о Харбине говорят как о «Восточной Москве», вспоминают о его по-купечески хлебосольной жизни и русских храмах, которые строились в каждом районе города. Исследователи отмечают радиальный характер планировки города, как в Москве и других русских городах (в противовес квадратной или прямоугольной, положенной в основу китайских градостроительных схем) [см.: 3]. Об этом мы читаем и в литературных источниках: «Город строился и своими улицами и домами становился похож на все российские города понемножку – кусочек от Читы и кусочек от Владивостока, даже московский Кузнецкий мост можно найти в нем, если приглядеться. <...> И жилось в этом городе, как в российских городах: ходили на службу и ездили на извозчиках, стояли в церквях у обедни, и торговал на углу Новоторговой улицы магазин под куполом – вездесущего купца Чурина» [8].

Название «Восточный Париж» Харбин получил потому, что в первой трети прошлого века жил модной европейской жизнью. Периодика тех лет пестрила рекламой известных марок и брендов. Здесь ставили модные спектакли, работали магазины, варьете и кабаре, устраивались балы по принципу парижских. Так, Георгий Мелихов фиксирует, что к середине 1920-х гг. в Харбине насчитывалось 66 заводов и фабрик, более 150 ресторанов, кафе и столовых, 32 гостиницы, 3 театра, 8 кинотеатров, 25 (!) библиотек, крупные вузы [см.: 14].

Кроме того, еще в период начального строительства города к концу XIX в. здесь была крупная православная епархия, возведено множество храмов (а в период расцвета города, к середине 20-х гг., в нем насчитывалось более 20 православных храмов, без учета храмов и монастырей за его пределами), которые уживались в городском пространстве с протестантской церковью, китайскими пагодами, мусульманскими мечетями, григорианским армянским модельным домом, синагогой и во многом были построены по типу русских храмов (в частности, Софийский собор представлял уменьшенную копию храма на Гутуевском острове в Петербурге, а центральная церковь Нового города была возведена по образцу северорусских шатровых храмов). В то же время это петербургско-московское великолепие «разбавлял» небольшой поселок *Модягоу* (получивший название «Царское село» и практически зеркально отражающий облик русского уездного города, утопавшего в зелени). Двенадцать городских районов Харбина, представляющих сплав градостроительных традиций, сочетание модерна, неоклассики, культовой архитектуры, купеческого стиля в главной части города и вступающих в диалог с самостроем, бараками, типовыми домиками, китайскими постройками на периферии, отражали национальное мировосприятие и специфику социокультурного ландшафта города, его мозаичность, отмеченные в мемуарах эмиграции.

В поэтической форме это противоречивое разнообразие передал поэт Василий Логинов:

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И желтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шелк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни...
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

В. Логинов. О, сунгарийская столица!.. [19, с. 294]

Это поэтическое восприятие отражает все контрасты города, темные стороны которого впоследствии «смаковали» просоветски настроенные литераторы, в 1920-е гг. формирующие односторонние стереотипы о городе: «В Харбине живут самые опытные продавцы опиума, самые неуловимые импортеры морфия и кокаина, самые отчаянные торговцы живым товаром» [1, с. 20]. Впрочем, такие же характеристики были в свое время адресованы и Петербургу [см.: 15].

Возвращаясь к «петербургской» теме, отметим, что Харбин и Петербург объединяет генезис городов, рожденных грандиозной стройкой, воплощением глобальных в исторических условиях проектов (новой столицы – в Петербурге, железной дороги – в Харбине), осуществленных императорской волей соответственно в 1703 и 1898 гг. Переходя от владельца к владельцу, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), изначально собственность Российской империи (ее еще называли «полосой отчуждения»), стала историческим и культурным символом города, с которым была связана идея границы: вначале соединения двух российских городов (Чита – Владивосток), потом, после революции, а затем и после Второй мировой войны – разъединения (граница, разделившая народ на *своих* и *чужих*), лишь обнажавшего мифологическую природу дороги как перехода, границы между миром явным и миром «кромешным».

В связи с этим она приобрела статус мифологемы – от перехода беженцев, спасавшихся от революции и Гражданской войны, в свободный мир до утраты этой свободы в период принудительного перемещения бывших эмигрантов в Сибирь после 1945 г. Железная дорога была, таким образом, своеобразным индикатором, барометром жизни харбинцев – в зависимости от того, кто становился ее хозяином (Россия, Китай, СССР, Китай, Япония, опять Китай). Являясь формой сближения географических территорий, КВЖД сама выступала как специфическое ограниченное пространство с его аксиологией, укорененной в русском национальном сознании, с его особым ощущением дороги, порога «как воплощения выхода из прежнего состояния, перемены в жизни, разрыва с тем, что было, и сдвига в неопределенность» [12, с. 29].

В контексте семантической нагруженности железной дороги особую символический смысл в городском пространстве Харбина приобрел вокзал, образ которого в культуре отмечен амбивалентностью: с одной стороны, это воплощение земного хаоса, гибельности, безнадёжности, свойственных перекрестку как опасному месту, с другой – символ собирания, объединения разных культур, социальных слоев, судеб. На этом контрасте особенно остро воспринимались железная дорога и вокзал в сознании русской эмиграции. Вокзал (железная дорога) и Пристань (речной вокзал) в Харбине были «воротами» города – именно они обрели особую символическую отмеченность – как в архитектурном плане, так в пространственно-геометрическом, формируя две центральные точки, являвшиеся границами городской планировки – коммерческой, деловой, промышленной. Железная дорога и река Сунгари были основными артериями города, обеспечивающими жизнь ему и его жителям и обусловившими его градостроительную концепцию.

Множественность городских локусов соотносится и с множественностью идентичностей, что обусловило особенный социокультурный код города, связанный во многих своих проявлениях с притоком русской эмиграции в 20-е гг. (в 1921 г. она насчитывала около 300 тыс. и была самой значительной частью эмигрантов). Кроме русских, она включала украинцев, евреев, татар, башкир, бурятов и других народов [13].

Уникальной особенностью этого социокультурного кода явилось то, что при таком пестром многонациональном и социальном разнообразии в Харбине формировался своеобразный «плавильный котел» во всех сферах городской жизни, одновременное присутствие и сосуществование нескольких систем – государственных, финансовых, политических, религиозных, языковых, национально-этнических, что создавало впечатление некоего успешного социального эксперимента. Культура 22 национальностей, населяющих Харбин, политических партий и движений стала, по ощущению современников, «местом рождения и соревнования разных идеологий» [4, с. 2]. Отмечается, в частности, отсутствие непримиримой вражды между эмигрантскими организациями, советскими и эмигрантскими кругами, союзами и объединениями молодежи, политическими организациями (около 150 общественных организаций насчитывалось в Харбине в 1930-е гг.), что фиксируется исследователями харбинской эмиграции: «Когда СССР начал на паях с китайским правительством контролировать работу КВЖД и в Харбине появились советские служащие, даже и тогда атмосфера терпимости оставалась прежней» [9, с. 10–11].

Об этом же пишет и митрополит Нестор: «К числу отрадных явлений в Харбине надо причислить отсутствие непримиримой вражды между отдельными организациями. Несмотря на существующее дробление, все эмигрантские организации в ответственные моменты находят пути для совместных объединенных выступлений» [16, с. 242]. Их можно было увидеть на общих банкетах, за игрой в карты, пасхальных визитах, киносеансах и концертах, совместно проводимых праздниках. Именно поэтому в Харбине в 1920–1930-е гг. выходило более 300 газет и журналов и функционировало множество политических организаций.

В то же время взгляд со стороны мог свидетельствовать о прямо противоположных тенденциях. Вот, например, как атмосферу города описывает Е. И. Рерих, находившаяся в то время в Харбине вместе со своим мужем (художником и мыслителем Н. Рерихом) в составе Маньчжурской экспедиции: «Большая усталость и подавленность, велико и разъединение. Последнее обстоятельство очень прискорбно, ибо прежде всего указывает на незрелость сознания. Много бестолковых, ни на чем не основанных взаимных обвинений в принадлежности к разным обществам, масонским и т. д. Конечно, в обвинениях участвует самая невежественная часть общества, ибо именно они в силу этой невежественности служат лучшим проводником для внесения разложения в русской среде разными иноземцами и поддерживаемого ими всеми способами» (письмо Е. К. Святополк-Четвертинской от 31 октября 1934 г.) [19].

Еще одной важной особенностью культурного кода Харбина стало то, что именно русская культура и русский язык взяли на себя доминантную организующую и коммуникативную функцию в процессе объединения и развития других этносов, организации городской жизни, образовательном процессе, экономической, художественной, повседневной жизни.

Анализируя особенности этого феномена вообще, исследователи видят его в «сверхспособности» как особенности русского культурного кода, называя ее «паттерном народа-первопроходца», для которого характерно «объединение человеческих усилий с целью превращения Окраины, Пустоши в цивилизованную Ойкумену» [20, с. 32]. Об этом свидетельствует история многочисленных примеров освоения русскими новых земель.

В определенной степени здесь можно согласиться с китайской исследовательницей Л. Цуй в том, что в сознании харбинцев сохранение русскости было намного важнее идеи «всемирной отзывчивости», что и определило специфику харбинского мифа» [22, с. 95]. В этой связи следует обратить внимание на такой важный элемент визуального кода Харбина, как система визуально-языковых элементов, отраженных в урбанонимах как единицах образной системы города, определяющих устойчивость русского культурного кода в Харбине, проявляющуюся в том числе в названиях улиц, городских учреждений, в вывесках. Представленные на русском языке, они отражали не только актуальную информацию, но и выполняли символическую функцию. Примером может служить харбинская топонимика, в частности *годонимы* (обозначение названий улиц), которые были не только источником сохранения и трансляции национальной памяти и национального самосознания, но и выполняли коммуникативную, оценочную и даже идеологическую функции. Вот только часть из них, которые зафиксированы в ежегоднике «Весь Харбин» за 1926 г.: *Московская, Большой пр., 1-я и 2-я линии, Водопроводная, Арбат (Кузнецкий Мост), Царское Село* (район Модягоу, где селились эмигранты), *Аптекарская, Больничная, Ветеринарная, Водопроводная, Кладбищенская, Мостовая, Портовая, Почтовая, Пристанская, Ветеринарная, Инженерная, Кузнечная, Столярная, Владимировская, Максимовская, Михайловская, Надеждинская, Сергиевская, Татьянанская, Светланская, Олевовский переулок, Крестовоздвиженская, Сретенская, Благовещенская, Борисовская, Глебовская...* [20].

Все эти названия воспринимались харбинцами как специфическая микротопонимика, которая отражала их мировосприятие и определяла особый культурный ландшафт города. Вывески с названиями кафе и ресторанов тоже были своеобразным индикатором русской столичной и провинциальной культуры, при этом не только несли информативную функцию, но и служили украшением фасадов зданий, как в Москве или любом российском городе: *Сибирь, Ялта, Азиатский, Дарьял, Михалыч, Новый Казбек, Иверия, Яр, Пермь, Украина, Бессарабия, Татос* и другие. На побережье работали такие популярные кафе-рестораны, как *Пляж, Яхт-Клуб, Бар Лукулл*, и забегаловки с комичными названиями *Вася, заходи, Яша – свой человек*.

В то же время при доминирующей роли русскоязычного дискурса сложившиеся в ходе миграционных процессов общины евреев, татар, грузин, башкир, украинцев, армян и других национальностей, говорящих на 45 языках, получали возможность развивать свое образование, досуг, профессиональную и религиозную деятельность, сохраняя до определенного времени статус подданных Российской империи, которых сблизил общая судьба, даже на фоне принятия части из них советского гражданства после 1924 г.

Несмотря на радикальные исторические изменения второй половины XX в., приведшие к массовому исходу русских и представителей других диаспор из Харбина, культурные доминанты города оказались настолько устойчивыми, что сохранили свой след и в сегодняшнем Харбине – 12-миллионном мегаполисе. Это отразилось на особенностях быта харбинцев, моде, кухне, привычках и обычаях горожан, среди которых есть потомки смешанных русско-китайских семей. На фоне стандартных хайтековских небоскребов «русский след» особенно ошутим в историческом центре с его уникальной архитектурой и визуальной стилистикой.

У харбинцев так же, как и сто лет назад, популярны русские игры и забавы (зимние русские горки, ледовые скульптуры, моржевание на реке, летом – городки, лапта, русские качели и др.), гастрономические пристрастия (к мороженому, тарту-медовику и пельменям, сливочному маслу, черному хлебу и шоколаду), сохранились некоторые русские вывески кафе, названия некоторых улиц, переименованные на китайский лад, русская баня, особый облик новых зданий, в которых иногда отмечают черты русского стиля, сохранилась библиотека, носящая имя Гоголя. В рамках русско-китайских культурных связей в Харбине функционирует Русский культурный центр, проводятся конференции и форумы бывших харбинцев и их

потомков, продолжают исследоваться архивы эмиграции. И наконец, Харбин оставил в качестве наследия уникальный опыт функционирования социума в условиях культурного трансфера, опыт, который может быть успешно использован в современных социокультурных условиях.

Список литературы

1. Алымов С. Я. Харбин / публ. и коммент А. А. Левченко // Левченко А. А. Харбин – путаный город (Очерк С. Я. Алымова «Харбин») // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах воспоминаниях : сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2017. С. 18–23.
2. Вернувшийся домой: жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) : в 2 т. Т. 1 / авт.-сост. О. В. Косик. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. 574 с.
3. Гао Чуньюй. Влияние русской эмиграции на городскую культуру Харбина // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 5А. С. 53–58.
4. Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря (Харбин). 1938. 10 июля. № 180. С. 2.
5. Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [в 14 т.] Т. 8. Статьи. 1952. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 177–190.
6. Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М. : Вече, 2009. 256 с.
7. Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амурского гос. ун-та, 2015. 462 с.
8. Кравченко Л. Пейзаж с эвкалиптами // Земля за холмом. Пейзаж с эвкалиптами. Романы. Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1988. 522 с. URL: <https://flibusta.club/b/373316/read>.
9. Крейд В. «Все звезды повидава чужие...» // Русская поэзия Китая : антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. М. : Время, 2001. 718 с.
10. Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 2. С. 765.
11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 2. 478 с.
12. Мартишина Н. И. Аксиология дороги в российской культуре и её философско-художественная репрезентация // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 28–33.
13. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : ИРИ, 1997. 245 с.
14. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М. : Русский путь, 2003. 438 с.
15. Непарадный Петербург в очерках дореволюционных писателей : в 3 т. Т. 3 / сост. В. Введенский, И. Погонин, Н. Свечин. СПб. : Аврора : Стройиздат. 2003. 380 с. URL: <https://flibusta.su/book/30688-neveradnyy-peterburg-v-ocherках-dorevoljucionnyih-pisateley/read/>.
16. Несмелов А. Стихи о Харбине // Русская поэзия Китая : антология / сост. В. П. Крейд и О. М. Бакич. М. : Время. 2001. 720 с.
17. Новости жизни (Харбин). 1925. 27 марта. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/novosti-zhizni-kharbin-19141929>.
18. Переслегин С. Цивилизации в людях и кодах // Изборский клуб. Русские стратегии. 2020. № 9 (85). С. 24–34.
19. Рерих Е. И. Письма : в 9 т. Т. II (1934 г.). URL: <https://goerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii>.
20. Сергей Илья. Четыре времени года // 50 лет спустя: письма, воспоминания, биографии бывших учеников харбинских школ конца 1940-х – начала 1950-х годов. Сидней : The editors of “50 Years Later”, 2009. С. 187–195.
21. Тернавский С. Т. Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга. Харбин : Типография Китайской железной дороги, 1926. 882 с. URL: <https://archive.org/details/Ves Harbin> (дата обращения 14.12.2022).
22. Цуй Лу. Харбинский миф в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1940-х гг. // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 85–98.

Harbin: cultural code of the city in the context of the fate of Russian emigration

Osipova Nina Osipovna¹, Golenok Marina Petrovna²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²PhD in Cultural Studies, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of Harbin in the system of urban cultural codes, formed, among other things, under the influence of the Russian emigration of the 20s: historical-genetic, natural, socio-cultural, artistic, festive, codes of everyday life, etc. The formation of the cultural mythology of the city is traced, in particular, the connection with the "Petersburg text", the system of national symbol-forming factors. The features of the functioning of urban life, ideological, religious and cultural tolerance are presented. A unique feature of Harbin is noted, which consists in the fact that with a motley multinational and social diversity, a kind of "melting pot" of multiculturalism was formed in Harbin in all spheres of urban life. The simultaneous presence and functioning of various systems – state, financial, political, religious, linguistic, national-ethnic – over a relatively short time interval created the impression of a kind of successful social experiment and made Harbin a place of cultural transfer.

Keywords: Russian emigration, cultural code of the city, "Harbin" text.

References

1. *Alymov S. Ya. Harbin* [Harbin] / publ. and comment by A. A. Levchenko // *Levchenko A. A. Harbin – putanyj gorod (Ocherk S. Ya. Alymova "Harbin")* [Harbin – a confused city (Essay by S. Ya. Alymov "Harbin")] // *Russkij Harbin, zapечатlennyj v slove. Vyp. 7. Kul'tura i literatura dal'nevostochnoj emigracii v arhivah, pis'mah vospominaniyah : sb. nauch. rabot* – Russian Harbin, imprinted in the word. Is. 7. Culture and literature of the Far Eastern emigration in archives, letters of memoirs: collection of scientific works / ed. by A. A. Zabyako, G. V. Efendieva. Blagoveshchensk. Publishing House of the Amur State University. 2017. Pp. 18–23.
2. *Vernuvshijsya domoj: zhizneopisanie i sbornik trudov mitropolita Nestora (Anisimova) : v 2 t. T. 1* – Returned home: biography and collection of works of Metropolitan Nestor (Anisimov) : in 2 vols. Vol. 1 / author-comp. O. V. Kosik. M. Publishing House of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. 2005. 574 p.
3. *Gao Chunyu. Vliyanie russkoj emigracii na gorodskuyu kul'turu Harbina* [The influence of Russian emigration on the urban culture of Harbin] // *Kul'tura i civilizaciya* – Culture and civilization. 2019. Vol. 9. No. 5A. Pp. 53–58.
4. *Gins G. Harbin, emigraciya i kul'tura* [Harbin, emigration and culture] // *Zarya (Harbin) – Sunrise (Harbin)*. 1938. July 10. No. 180. P. 2.
5. *Gogol' N. V. Peterburgskie zapiski 1836 goda* [Petersburg notes of 1836] // *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij : [v 14 t.] T. 8. Stat'i* [Complete works : [in 14 volumes] Vol. 8. Articles]. 1952. M.; L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1952. Pp. 177–190.
6. *Goncharenko O. G. Russkij Harbin* [Russian Harbin]. M. Veche. 2009. 256 p.
7. *Zabyako A. A., Zabyako A. P., Levoshko S. S., Hisamutdinov A. A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier] / ed. by A. P. Zabyako. Blagoveshchensk. Amur State University. 2015. 462 p.
8. *Kravchenko L. Pejzazh s evkaliptami* [Landscape with eucalyptus trees] // *Zemlya za holmom. Pejzazh s evkaliptami. Romany* – Land behind the hill. Landscape with eucalyptus trees. Novels. Novosibirsk. Novosibirsk publishing house. 1988. 522 p. Available at: <https://flibusta.club/b/373316/read>.
9. *Krejd V. "Vse zvezdy povidav chuzhie..."* ["All the stars having seen strangers..."] // *Russkaya poeziya Kitaya : antologiya* – Russian poetry of China : an anthology / comp. V. Krejd, O. Bakich. M. Vremya (Time). 2001. 718 p.
10. *Krotova M. V. Fenomen Harbina kak polifonichnogo goroda* [The phenomenon of Harbin as a polyphonic city] // *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noj istorii* – Historia Provinciae – Journal of Regional History. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 765.
11. *Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city] // *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i : v 3 t.* [Selected articles : in 3 volumes]. Tallinn. Alexandra. 1992. Vol. 2. 478 p.
12. *Martishina N. I. Aksiologiya dorogi v rossijskoj kul'ture i eyo filosofsko-hudozhestvennaya reprezentaciya* [Axiology of the road in Russian culture and its philosophical and artistic representation] // *Gumanitarnye issledovaniya* – Humanitarian studies. 2020. No. 2 (27). Pp. 28–33.
13. *Melihov G. V. Rossijskaya emigraciya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. M. IRI. 1997. 245 p.

14. Melihov G. V. *Belyj Harbin. Seredina 20-h* [White Harbin. Mid-20s]. M. Russkiy put' (Russian way). 2003. 438 p.
15. *Neparadnyj Peterburg v ocherkah dorevolucionnyh pisatelej : v 3 t. T. 3* – Non-parade Petersburg in the essays of pre-revolutionary writers : in 3 vols. Vol. 3 / comp. V. Vvedensky, I. Pogonin, N. Svechin. SPb. Aurora : Stroyizdat. 2003. 380 p. Available at: <https://flibusta.su/book/30688-neparadnyiy-peterburg-v-ocherkah-dorevolyuetsionnyih-pisateley/read/>.
16. Nesmelov A. *Stihi o Harbine* [Poems about Harbin] // *Russkaya poeziya Kitaya : antologiya* – Russian poetry of China : an anthology / comp. V. P. Kreid and O. M. Bakich. M. Vremya (Time). 2001. 720 p.
17. *Novosti zhizni (Harbin). 1925. 27 marta* – Life News (Harbin). 1925. March 27. Available at: <http://www.emigrantica.ru/item/novosti-zhizni-kharbin-19141929>.
18. Pereslegin S. *Civilizacii v lyudyah i kodah* [Civilizations in people and codes] // *Izborskiy klub. Russkie strategii* – Izborsky Club. Russian strategies. 2020. No. 9 (85). Pp. 24–34.
19. Roerich E. I. *Pis'ma : v 9 t. T. II (1934 g.)* [Letters : in 9 vols. Vol. II (1934)]. Available at: <https://roerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii>.
20. Sergius Ilya. *Chetyre vremeni goda* [Four seasons] // *50 let spustya: pis'ma, vospominaniya, biografii byvshih uchenikov harbinskih shkol konca 1940-h – nachala 1950-h godov* – 50 years later: letters, memoirs, biographies of former students of Harbin schools of the late 1940s – early 1950s. Sydney. The editors of "50 Years Later", 2009. Pp. 187–195.
21. Ternavskij S. T. *Ves' Harbin na 1926 god. Adresnaya i spravochnaya kniga* [The whole of Harbin for 1926. Address and reference book]. Harbin. Printing House of the Chinese Railway, 1926. 882 p. Available at: <https://archive.org/details/VesHarbin> (date accessed: 14.12.2022).
22. Cui Lu. *Harbinskiy mif v poezii ruskoj dal'nevostochnoj emigracii 1920–1940-h gg.* [Harbin myth in the poetry of the Russian Far Eastern emigration of the 1920s–1940s] // *Kul'tura i tekst* – Culture and Text. 2018. No. 4 (35). Pp. 85–98.